

Кукольный дом

Прошлой осенью театр кукол Дворца детского и юношеского творчества на Воробьевых горах отпраздновал двойное сорокалетие – собственное и творческой деятельности своего создателя режиссера Владимира Штейна. Сегодня Владимир Михайлович руководит созданным им и его женой, художником Мариной Грибановой, Московским театром детской книги "Волшебная лампа". Прошлой же осенью "Волшебная лампа" получила статус государственного театра и в нынешнем марте отметит десятилетие.

— Владимир Михайлович, почему вы решили стать режиссером именно театра кукол?

— Я собирался стать актером, все школьные годы занимался в театральной студии городского Дома пионеров. Ею руководила прекрасный педагог Евгения Васильевна Галкина. Вместе со мной там занимались Леонид Нечаса, Сергей Никоненко, Виктор Татарский, Светлана Харлап, Иван Бортняк, Людмила Долгорукова. В 58-м году, закончив школу, мы всей компанией поступали на актерский факультет во все институты одновременно. В Шукшинском училище и во ВГИКе я прошел сразу на третий тур. Курсы набирали соответственно Борис Евгеньевич Захава и Сергей Апполинарьевич Герасимов. Захава мне сказал: "Вы, молодой человек, слишком умный для артиста". Я удивился: "А разве артист должен непременно быть глупым?". На что Борис Евгеньевич ответил: "Артист должен быть простодушным. А вы – хитрый. Когда вы читаете отрывок, я вижу режиссерские нитки, а у артиста их не должно быть видно. Заниматься режиссурой".

Сергей Апполинарьевич предложил мне несколько тестов, которые давал абитуриентам режиссерского факультета. Он меня спросил, кто, на мой взгляд, из импрессионистов мог бы иллюстрировать Мопассана. Я ответил: "Тулуз Потрек". Герасимов сказал, что он думает так же и тоже посоветовал поступать на режиссерский. Но, как раз, в 58-м ввели правило: поступающие на режиссерское отделение должны иметь за плечами не менее двух лет трудового стажа. Любого. Я пошел в свой Дом пионеров и попросил завуча Ирану Дмитриевну Полякову дать мне какую-нибудь работу. Она предложила мне создать кукольный театр. Я признался, что в кукольном театре за всю

свою жизнь был раза два в детсадовском возрасте и ничего в нем не понимаю. Она позвонила в Московский театр кукол и попросила поучить меня. А руководил им в то время Виктор Алексеевич Громов – бывший артист Мейерхольда, сподвижник Михаила Чехова, уехавший с ним в эмиграцию, но потом вернувшийся в Россию. Его никто не брал на работу, кроме Образцова, в театре которого он во время войны поставил спектакль "Король-Олень". Эта работа произвела в кукольном театре фурор не меньший, чем вахтанговская "Принцесса Турандот" в драматическом. Так вот стал ходить в Московский театр кукол, как на работу. Сидел на репетициях, помногу беседовал с Громовым. В мастерских театра учился делать кукол. Там я и сделал кукол для своего первого спектакля "Кошкин дом" по Маршаку. Со дня его премьеры – 28 ноября 1958 года мы и ведем отсчет истории кукольного театра Московского Дома, затем Дворца пионеров, а теперь Дворца творчества и юношества на Воробьевых горах.

— И сколько лет вы руководили этим театром?

— Десять. Выпустил шестнадцать спектаклей. Познакомился там со своей будущей женой Мариной Грибановой, она пришла ко мне в театр пятнадцатилетней школьницей. С ней, как с художником, мы сделали там несколько спектаклей и продолжаем вместе работать. Мне были интересны ребята, которых я вырастил, я не хотел с ними расставаться, и поэтому я с Мариной и группой своих учеников ушел из Дома пионеров в клуб Московского кожаного завода, где выпустил спектакль "Этот", объединив в нем голливудскую "Шанель", "Романс об испанской жандармерии" Лорки и "Дневник Анны Франк". С этой работой, как я сам считаю, я начался как режис-

Как лампа стала театром

сер.

— Вам не пришлось жалеть, что вы занялись кукольным театром?

— Жалеть? Ни разу не пожалел. Все складывалось для меня очень удачно, начиная с "Кошкиного дома", который занял первое место на смотре детских театров кукол. И на заключительном показе мы играли сго в образцовом театре, где меня познакомили с самим Сергеем Владимировичем. И я стал учиться у него своим излюбленным способом – ходить на репетиции. Но заниматься драматическим театром все-таки хотелось. Я пошел к Николаю Павловичу Охлопкову, подождал его около театра и попросил разрешения посещать его репетиции. Садился в последний ряд и смотрел. Я думал, что Охлопков меня не замечает, но когда заболел и неделю не появлялся в театре, мне позвонил завтруппой: "Тут Охлопков спрашивает: где этот и показывает на место, где ты обычно сидишь". Я пошел в театр. Охлопков усадил меня рядом с собой. И на этом месте спросил пять лет, вплоть до его смерти. Собираю для него материалы, ездил с театром на гастроли. У Охлопкова я изучал театр, который он сам называл "театром потрясения".

Но кукольный театр не оставал. После "Этюд" завтруппа театра Образцова Элонора Густавовна Шлет сказала: "Хватит заниматься самодеятельностью. Поступайте на Высшие режиссерские курсы к Сергею Владимировичу". Образцов меня к тому времени хорошо знал, и несмотря на то, что я не имел высшего образования, настоял, чтобы меня приняли на режиссерские курсы. Кстати, потом вышла забавная ситуация. Когда в 1970 по 1975 год Образцов вел в ГИТИСе курс режиссеров-художников кукольного театра, он привлек меня к преподаванию. И тут Мария Иосифовна Кнебель обнаружила, что у меня нет высшего образования, только диплом об окончании Высших режиссерских курсов. Тогда она предложила мне экстерном завершить обучение на ее режиссерском курсе. И я учился и преподавал в ГИТИСе одновременно.

— Как вас свела судьба с уфимским театром кукол, где вы поставили свои знаменитые спектакли – "Белый пароход", "Гали-

ма" и другие.

— Дипломный спектакль на режиссерских курсах "Солдат и ведьма" я поставил в театре у Образцова. Меня зачислили в штат. Но за десять лет работы самостоятельных постановок почти не давали. Я был сорежиссером Сергея Владимировича или занимался актерскими вводами. Кстати, это было прекрасной профессиональной школой, в то время в театре были замечательные мастера: Сперанский, Гердт, Самодур, Успенская, Синельникова. Но мне очень хотелось ставить самому, и я ездил по городам и весям. Так случилось, что больше всего спектаклей поставил в кукольном театре Уфы, я меня пригласили его возглавить. К тому времени мои отношения с Образцовым пошли на убыль. Когда я предложил ему поставить "Белый пароход" Чингиза Айтматова, Образцов сказал, что не представляет, как можно ставить это произведение в кукольном театре, в котором я, по-видимому, ничего не понимаю. И я дал согласие работать главным режиссером в Уфе. И первое, что я там сделал, – поставил Айтматова. Затем еще около сорока спектаклей и большинство из них были авторскими. То есть, я брал литературное произведение и сочинял по нему спектакль, приглашая писателя, с которым мы вместе делали пьесу. Впоследствии это вылилось в потребность создать свой театр – Московский театр детской книги "Волшебная лампа", где мы ставим Пушкина, Шолом-Алейхему, Андерсена, Милна, Маршака, других писателей.

— Всю жизнь вы занимаетесь театром для детей.

— Я, наверное, просто сам не вышел из этого возраста. После спектакля по Пушкину "Свет мой, зеркальце, скажи..." мне преподнесли скорпию. Вышли две второклассницы и прочли: одна – "Ветер по морю гуляет...", а другая – "Я вас любил, любовь еще, быть может..." Представляете, мне в подарок читали в Пушкина. Это же потрясающе!

Беседовала Алла МИШИНА

● Марина Грибанова
и Владимир Штейн